

Слово 27

Против евномиан [1] и о богословии первое или предварительное.

Слово к хитрым в слове, и начну от Писания: се аз на тя горде (Иер. 50, 31), то есть на ученость, и слух, и мысль! Ибо есть, действительно есть люди, у которых при наших речах чешутся и слух, и язык, и даже, как вижу, и руки, которым приятны *скверные суесловия и прекословия лжеименного разума*, и ни к чему полезному не ведущие *словопрения* (1 Тим, 6, 4, 20). Ибо Павел проповедник и вводитель слова *сокращенна* (Рим. 9, 28), учитель и ученик рыбаей, называет так и все излишнее и изысканное в слове. Хорошо, если бы те, о ком у нас речь, также были нисколько искусны в деятельном любомудрии, как оборотлив у них язык и способен приискивать благородные и отборные слова. Тогда мало, и вероятно меньше, чем ныне, стали бы они вдаваться в нелепые и странные мудрования и словами (о смешном деле и выражусь смешно) играть, как шашками. Но, оставив все пути благочестия, они имеют в виду одно — задать или решить какой-нибудь вопрос, и походят на зрелищных борцов, представляющих не те борьбы, которые ведут к победе по законам ратоборства, но те, которые привлекают взоры не знающих дела и похищают у них одобрение. И надобно же, чтоб всякая площадь оглашалась их речами, чтоб на всяком пиршестве наводили скуку Пустословие и безвкусие, чтоб всякой праздник делался непраздничным и полным уныния, а при всяком сетовании искали утешения в большем зле — в предложении вопросов, чтоб во всяком женском тереме — этом убежище простодушия — нарушалось спокойствие и поспешностью в слове похищаем был цвет стыдливости! А если дошло уже до этого, если зло стало неудержимо и невыносимо, даже есть опасность, что и великое наше таинство [2] обратят в низкое ремесло: то пусть эти соглядатаи окажут столько терпения, чтоб, когда отеческое сердце наше приходит в волнение, и чувства наши *терзаются*, как говорит божественный Иеремия (4, 19), им без ожесточения принять это о них слово и хоть немного, если только могут, удержав язык, преклонить к нам слух. И без сомнения, вы не потерпите ущерба. Или буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесет некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодприносит одно доброе и плодотворное сердце. Или пойдите от меня, смеясь и над сим словом, находя в нем новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставить вам еще большее удовольствие. Не подивитесь же, если скажу слово, и оно будет не по вашему закону и странно для вас, которые слишком отважно и мужественно (боюсь оскорбить, сказав: невежественно и дерзко) утверждаете о себе, что знаете все и всему в состоянии научить.

Любомудрствовать о Боге можно не всякому, — да! не всякому.— Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем, и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем; потому что способны к сему люди испытывавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно?— Когда бываем свободны от внешней тины [3] и мятежа, когда владычественное в нас [4] не сливается с негодными и блуждающими образами, как красота письмен перемешанных письменами худыми, или как благовоние мура смешанного с грязью. Ибо действительно нужно *упраздниться*, чтоб *разуметь* Бога (Пс. 45, 11), и *егда примем время, судить о правоте* Богословия (Пс. 74, 3). — Пред кем же можно?— Пред теми, которые занимаются сим тщательно, а не на ряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристаний, зрелищ и песней, по удовлетворении чреву и тому, что хуже чрева; ибо для

последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений. О чем же должно любомудрствовать, и в какой мере? — О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность разума в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят одиному слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести вредны поднимающим не по силам, и сильные дожди — земле; так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений.

И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает *поучаться день и ночь* (Пс. 1, 2), *вечер и заутра и полудне поведать* (Пс. 54, 18), и *благословлять Господа на всякое время* (Пс. 33 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем; то *лежа, и востая, и идый путем* (Втор. 6, 7), и исправляющий другие дела должен памятовать о Боге, и сим памятованием возводить себя к чистоте. Таким образом запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствовать, как бы оно было делом неблагочестивым, но безвременность; и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мед, не смотря на то, что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И *время всякой вещи*, как рассуждаю с Соломоном (Еккл. 3, 1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка; как, например, совершенно неприличны цветы зимою, мужской наряд на женщине и женский — на мужчине, геометрия во время плача, и слезы на пиру. Ужели же ни во что будем ставить время единственно там, где всего более надобно уважать благовременность? — Нет, друзья и братия (все еще называю вас братьями, хотя ведете себя и не по братски)! Не так будем рассуждать, не побежим далее цели, как горячие и неудержимые кони, сбросив с себя всадника — разум, и отринув добрую узду — благоговение, но станем любомудрствовать, не выходя из назначенных Христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к Ассириянам, не воспоем *песнь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), т.е. вслух всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамеренному и злонамеренному, который чрез меру тщательно наблюдает за нами, и желал бы, чтобы в нас каждая искра худого обратилась в пламя, сам тайно ее возжигает, раздувает, вздымает своим дыханием к небу, выше попяляющего все окрест себя Вавилонского пламени. Поскольку в собственных своих учениях не находят они для себя подкрепления; то ищут его в том, что слабо у нас. А потому, как мухи на раны, нападают на наши (как назвать это?) неудачи или погрешности.

Но не будем долее оставаться в неведении о себе самих и не уважать приличия в таких предметах. Напротив того если невозможно истребить вражды, по крайней мере согласимся в том, чтоб о таинственном говорить таинственно, и о святом—свято. Пред имеющими оскверненный слух не станем повергать того, о чем не должно всем разглашать. Не попустим, чтоб, в сравнении с нами, оказались достойными большего почтения поклоняющиеся бесам, служители срамных басен я вещей; потому что и они скорее прольют кровь свою, нежели откроют учение свое непосвященным. Будем знать, что есть некоторое благоприличие, как в одежде, пище, смехе и походке, так и в слове и молчании; тем паче, что мы, кроме других наименований и сил, чтим в Боге и Слово.

Сами состязания да будут у нас подчинены законам. О рождении Бога, о сотворении, о Боге из не сущих [5], о сечении, делении и разрешении для чего слушать тому, кто слушает это неприязненно? Для чего обвинителей делаем судьями, даем меч в руки врагам? Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяния и деторастления, кто поклоняется страстям и не может ничего

представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов отличающихся делами самыми постыдными? Не с понятиями ли (к каким он привык) грубыми, срамными, невежественными? И богословия твоего не сделает ли он поборником собственных своих богов и страстей? Если мы сами употребляем таюя речения во зло; то еще трудные убедить противников наших, чтоб любомудрствовали, как следовало бы нам. Если мы сами у себя *обретатели злых* (Рим. 1, 30), то как им не коснуться того, что действительно в нас есть? Вот следствие нашей междоусобной брани! Вот польза от подвизающихся за слово более, нежели угодно Слову, и от подвергающихся одной участи с лишенными ума, которые зажигаюь собственный свой дом, или терзают детей, или гонят от себя родителей, почитая их чужими!

Но отлучив от слова чуждое, и многочисленный легион, поступивший во глубину, послав в стадо свиней, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова), и как изваяние иссечем богослова во всей красоте. Прежде же всего размыслим о том, что значит такое ревнование о слове и эта боязнь языка? Что за новый недуг, что за ненасытимость? Для чего, связав руки, вооружили мы язык? Не хвалим ни страннoлюбия, ни братoлюбия, ни любви супружеской, ни девства; не дивимся ни питанию нищих, ни псалмопению, ни всенощному стоянию, ни слезам; не изнуряем тела постами, не преселяемся к Богу молитвою, не подчиняем (как правильно рассуждающие о своем составе) худшего лучшему, то есть персти духу; не обращаем жизни в помышление о смерти; помня о горнем благородстве, не удерживаем за собою владычества над страстями; не укрощаем в себе ни ярости, делающей надменными и зверскими, ни унижающего превозношения, ни безрассудной скорби, ни необузданного сладострастия, ни блуднического смеха, ни наглого взора, ни ненасытного слуха, ни неумеренной говорливости, ни превратного образа мыслей, ни всего, что против нас у нас же самих берет лукавый, вводящий, как говорить Писание, *смерть сквозе, окно* (Иер. 9, 21), то есть чрез чувства. У нас все напротив. Как цари даруют пощаду после победы, так мы даем свободу страстям других, если только поблажают нам, и дерзостнее или нечестивее устремляются против Бога; и за недоброе воздаем худою наградою, за нечестие — своевољством.

Но *вопрошу ты* мало, совопросник и вещей муж, *ты же ми отвещай*, говорить Иову Вещавший *сквозе бурю и облаки* (Иов. 38, 1–3). Что слышишь: много у Бога обителей, или одна?—Без сомнения согласишься, что много, а не одна? Все ли они должны наполниться, или одни наполнятся, а другие нет, но останутся пустыми, и приготовлены напрасно? — Конечно все; потому что у Бога ничего не бывает напрасно. — Но можешь ли оказать, что разумеешь под таковою обителью: тамошнее ли упокоение и славу уготованную блаженным, или что другое? — Не другое что, а это. Но согласившись в этом, рассмотрим еще следующее. Есть ли что-нибудь такое, как я полагаю, что доставляло бы нам эти обители; или нет ничего такого? — Непременно есть нечто. Что же такое? — Есть разные роды жизни и избрания, и ведут к той или другой обители по мере веры, почему и называются у нас путями. — И так всеми ли путями, или некоторыми из них должно идти? — Если возможно, пусть один идет всеми. А если нет, то, сколько может, большим числом путей. Если же и того нельзя; то некоторыми. Но если и это невозможно, то примется в уважение, как мне по крайней мере кажется, когда кто-нибудь и одним пойдет преимущественно. Правильно разумеешь это. Поэтому что же, по твоему мнению, означается словом, когда слышишь, что путь один и притом тесен? — Путь один относительно к добродетели: потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов, и потому что для многих, непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока. Так и я думаю. — Но если это справедливо; то почему же, наилучший, как будто уличив наше учение в какой-то скудости, оставили вы все прочие пути, а стремитесь и поспешаете на этот один путь, на

путь, как вам представляется разума и умозрения, а как я скажу, — пустословия и мечтательности? Да вразумить вас Павел, который, по исчислении дарований, сильно упрекает за это говоря: *еда вси апостоли? еда вси пророцы?* и так далее (1 Кор. 12, 29).

Положим, что ты высок, выше самых высоких, а если угодно, выше и облаков; положим, что ты зритель незримого, слышатель неизреченного, восхищен как Илия, удостоен богоявления, как Моисей, небесен как Павел. Для чего же и других, не больше как в один день, делаешь святыми, производишь в богословы, и как бы вдыхаешь в них ученость, и составляешь многие сонмища не учившихся книжников? Для чего опутываешь паутинными тканями тех, которые наиболее немощны, как будто это дело мудрое и великое? Для чего против веры возбуждаешь шершней? Для чего распложаешь против нас состязателей, как в древности баснословие — гигантов? Для чего, сколько есть между мужами легкомысленных и недостойных имени мужа, собрав всех, как сор в одну яму, и своим ласкательством сделав их еще женоподобнее, построил ты у себя новую рабочую, и не без разума извлекаешь для себя пользу из их неразумия?

Ты возражаешь и против этого? У тебя, нет другого занятия? Языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользою недуг сей. Рази Пифагорово мечтание, Орфеевы бобы, и эту надутую поговорку новых времен: *сам сказал!* Рази Платоновы идеи, преселения и круговращения наших душ, припамятоваше и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; рази Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрия удовольствие; рази Аристотелев немногобъемлющий Промысл, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; рази надменность стоиков, прозорство и шутовство циников. Рази пустоту и полноту, и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах, и демонах, благотворных и злотворных, какие разглашаются о прорицалищах, о вызывании богов и душ, о силе звезд.

А если ты не достаиваешь это и словом, как маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своим предметом. и в нем ищешь пищи любочестию; то и здесь укажу тебе широкие пути. Любомудрствуй о мире или мирах, о веществе, о душе, о разумных — добрых и злых природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Касательно этого и успеть в своих исследованиях не бесполезно, и не получить успеха не опасно. О Боге же будем рассуждать теперь не много, но в скором времени, может быть, совершеннее, о самом Христе, Господе нашем. Которому слава во веки, аминь.

---

[1] Евномиане отрицали не только единосущие, но и подобосущие Бога Отца и Бога Сына. Сверх сего они учили, что можно совершенно постигнуть Бога умом человеческим, Против этого последнего лжеучения Евномия направлено настоящее слово.

[2] Христианскую религию.

[3] Не порабощемся плоти.

[4] Ум.

[5] Ариане учили о Сыне Божиим, что было, когда Его не было, и что следовательно Он стал из не сущего сущим.